

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Постколониальные и транснациональные
исследования, и изучение литературы
коренных народов

Цель: раскрыть генезис, основные этапы становления и развития научных представлений о художественной литературе с позиций постколониальных исследований, объяснить суть их концепций, получивших распространение в интерпретации литературы и культуры.

Ключевые слова: литература коренных народов, постколониальные и транснациональные исследования, расизм.

Введение в коренные, постколониальные и транснациональные исследования

Постколониальные исследования имеют две формы – изучение литературы «постколониальных» писателей, обычно коренных народов стран, колонизированных такими странами, как Англия, и изучение дискурса и литературы империализма. Постколониальные исследования в настоящее время основаны в значительной степени на историческом подходе, и, как правило, созданы на базе английского языка. Слова «империализм» и «глобализация» можно назвать центральными терминами этого научного направления.

Колонизация не европейского земного шара началась, когда европейские страны, имеющие военно-морские силы, обнаружили, что многие зарубежные страны, которые до тех пор ускользали от контактов с Европой, были хуже вооружены. Европейцы нашли довольно простое этому решение – завоевали и колонизировали их. Так было с Индией, Африкой и Америкой. В их завоевании были и некоторые положительные последствия, которые трудно отделить от других более многочисленных болезненных и пагубных последствий. Все коренные народы исчезли; цивилизации и культуры были уничтожены; люди, пользовавшиеся свободой, стали рабами; их разграбленные природные ресурсы, такие как золото, сделали Европу основным хранилищем богатства вплоть до настоящего времени. Однако Европа привила завоеванным странам современные политические формы и институты, а также образовательные системы и общие языки, которые впервые объединили мир. Английский язык стал самым популярным языком в Южной Азии, части Африки и Америки, как и французский с испанским по тем же самым причинам стали самыми распространенными в других частях не европейского мира.

Но туземцы, как это часто бывает с подчиненными народами, были очень беспокойными. Они постоянно проявляли неблагодарность, удивительную для империалистов. Коренные народы возмущались своим политическим и военным подчинением европейцам, преднамеренным разрушением их культур и языков для реализации целей культурной гомогенизации и оплота богатства европейцев. Империи никак не могли удержаться надолго, поскольку коммерческий дух, который их мотивировал, сопровождался стремлением к независимости, противоречащим пассивному им подчинению в ментальности самих колонизаторов. После введения в местные культуры этот менталитет колонизаторов сочетался с националистическими стремлениями к независимости, которые оказались особенно социально «горючими». Британцы и французы в какой-то момент обнаружили, что они не могут практиковать одновременно демократию дома и самодержавие за рубежом. Из-за этих противоречий империя буквально взорвалась в таких странах, как Ирландия, Ирак, Алжир и Индия. И подобное раздувание конфликта продолжается до настоящего времени на Ближнем Востоке, где евроамериканская колонизация Палестины остается уроком в том, как не надо вести себя по отношению к другим, если вы хотите жить мирно со своими соседями.

Империализм вырос из невежества, высокомерия и жадности – обычных для человеческой истории мотиваций и диспозиций, но это не лучшее основание для построения глобального сообщества, в котором все могут процветать и выживать одинаково. Тем не менее, он предоставил основания для достижения такого гармоничного сообщества, объединив различные части земного шара в культурном и экономическом плане. Такие связи довольно распространены в современном мире в форме экономической глобализации и в таких трансгеографических культурных феноменах, как «Черная Атлантика». Старые центры культуры и доминирующие идеологические доктрины смещаются благодаря таким новым связям и смешению. Писатели с подобными смешанными постколониальными этническими и культурными корнями – карибскими, африканскими, английскими – теперь в некоторых отношениях оказываются

более английскими, чем сами англичане. Они создают такую захватывающую художественную прозу, которую в прошлом создавали только англо-саксонские писатели на английском языке и которыми все восхищались.

Постколониальные литературоведы изучают обе стороны этого имперского «уравнения». Некоторые обеспокоены дискурсами, которые оправдывали или благосклонно констатировали существование империи в метрополии или имперском центре. Большинство из нас выросло на интерпретации произведения о Джейн Эйр как повествования о викторианской женщине, но постколониальные критики научили нас рассматривать этот текст и как историю империи. Вторая миссис Рочестер (Джейн Эйр) могла стать сама собой, только при условии, что первая миссис Рочестер (сумасшедшая женщина карибского происхождения) была уничтожена и символически удалена из повествования. Можно привести многочисленные примеры такого постколониального отслеживания имперской литературы, от Ирландии Спенсера до Антигуа Остина, от Джима Джина до Чингачгука Натти Бампо.

Другие постколониальные ученые исследуют такие культурные фронты, где встречаются имперские и субальтернатные (подчиненные) культуры в таких странах, как Индия. Коренные народы часто имитировали культурные образцы своих завоевателей, но с неким лукавым чувством, которое утверждало их собственные стремления к независимости. Если иностранцы пытались навязать им свои собственные культурные убеждения посредством образования, коренные народы часто отвергали имперскую культуру и язык в пользу своих коренных национальных культурных форм и языков, которые подчеркивали отличие от колонизаторов и которые могли бы стать основой для их политической мобилизации в борьбе за независимость. Тем не менее некоторые постколониальные ученые участвуют в местных движениях, таких как лиги писателей, которые пытаются использовать культуру как политический инструмент для национального освобождения.

Существует несколько важных имен и концепций, связанных с постколониальными исследованиями. «Ориентализм» Эдварда Саида – важная диагностика того, как империализм работал в области интеллектуального и культурного дискурса. Империя должна была быть оправдана, и она породила области знаний, такие как ориентализм, которые превратили колонизированные культуры в объекты научного анализа. Нередко Восток становился кластером стереотипов, которые рационализировали имперское им управление. «Убогая Земля» Фрэнк Фанон изучает психологические раны, нанесенные коренным народам имперскими отношениями, и рассматривает роль коренной национальной культуры в сопротивлении империи. В постколониальном исследовании важны концепции диаспоры, гибридизации, двусмысленности, мимикрии и креолизации. Большинство бывших имперских стран теперь диаспорны в том смысле, что люди из бывших колоний перешли в имперские метрополии, такие как Англия, и стали англичанами. Идеи, касающиеся национальной или даже этнической культурной идентичности, все труднее применять в ситуациях, когда традиционные и культурные нормы и идентичности местных общин встречаются и смешиваются. По этой причине персонажей романа «Белые зубы» Зади Смита трудно отнести к какой-либо этнической культуре. Их идентичности гибридные в том, что они состоят из двух или более различных вкраплений, которые переплетаются.

Процесс колонизации всегда был неоднозначным, но такое смешение и сопоставление идентичностей еще больше усугубляет его наследие. Завоеватели стремились навязать свою культуру совершенно иной культуре, чтобы она подражала имперскому центру или имитировала его культуру. Стремление к однородной идентичности правителя и управляемого было слишком неестественным. Вместо подражания культуре колонизаторов гораздо чаще возникала ее ироничная имитация. А кто-то искал спасение в коренных, зачастую устных, культурах или в идеалах фольклорной национальной культуры, основанной на собственном опыте и языке коренных народов. Замысел колонизаторов заключался в том, что язык несет в себе мировосприятие, так что вместе с принятием имперского языка в действительности должна приниматься и точка зрения империализма со всеми его высокомерными идеями, которые нередко противоречили его собственным интересам.

Но другие писатели и интеллектуалы успешно воспользовались возможностью творческого смешения, предоставленного колониальной и постколониальной ситуацией. Исходя из этого

способа мышления были сформулированы такие термины, как «метизация» (смешение крови разных рас и национальностей) и «креолизация», идея о том, что идентичности и языки коренных, постколониальных и транснациональных исследований с обеих сторон имперского уравнения могут сочетаться, чтобы генерировать новые субъективные и лингвистические возможности. Метис — это человек смешанной расы, а креолизация — это смешение языков, которое сочетает в себе элементы языка колонизаторов, такого как английский или французский, с местными диалектами коренных народов.

Многие из новых культурных возможностей глобализации возникают из-за ситуации экономического неравенства, которое все еще характеризует отношения между метрополией и периферией, имперским центром и бывшей колонией. Персонажи из романа «Белый Зуб» Зади Смита, например, по большей части являются экономическими мигрантами, которые пришли в Англию, стремясь обрести более высокий уровень жизни, чем им был доступен в менее экономически развитой родине. Опыт мигрантов часто является центральным в современной глобализированной литературе на английском языке. Но есть и много других региональных литературных опытов из разных географических мест, которые теперь доступны благодаря общей международной «валюте» английского языка. Тот факт, что такой культурный интернационализм неотделим от продолжающегося «мягкого» империализма, который является экономической глобализацией, обнажает стремление к более высокой прибыли от более дешевой рабочей силы, которая позволяет имперскому меньшинству жить в условиях сверхбогатой жизни за счет примерно 90 процентов мирового населения. Подсчитывать баланс между затратами и выгодами такой глобализации для коренных народов сложно, и, как и в случае с империализмом, можно, вероятно, только догадываться о пользе игнорирования неравных отношений в сфере власти между двумя игроками.

Одним из вопросов для обдумывания будет и тот, в какой степени новая опуляция писателей, таких как Джумпа Лахири или Киран Десай, является всего лишь отражением такой глобализации, отражением новой культурной версии поиска лучших ценностей у экзотических народов, у Других. Но подобная литература, даже если она просто развлекает, также может быть системой доставки постколониальных взглядов читающей публике из экономических центров мира. Постколониальная литература и воспитывает, и трансформирует их сознание. И от такого роста сознания в конечном итоге может выправиться ситуация с порочностью глобализации только лишь на капиталистических условиях.

В качестве примера анализа художественного текста в постколониальной методике Майкл Райан приводит разбор романа Иосифа Конрада «Сердце тьмы». Эволюция репутации этого романа как «великого произведения литературы» особенно показательна с этой точки зрения. Если вы белый и житель бывшей имперской страны или член колонизирующей группы, вы можете быть склонны поддерживать тех, кто в течение многих лет считал эту работу критикой империализма. Но некоторое время назад под предводительством африканского писателя Воле Сойнка люди из бывших колоний в Африке начали понимать, что этот роман на самом деле довольно расистский.

Как вы думаете, задается вопросом Майкл Райан, возможно ли, что этот роман — одновременно и то, и другое? Все зависит от того, как вы оцениваете образы чернокожих африканцев, которых рисует Конрад. С точки зрения Майкла Райана, роман опасно близок к отождествлению афроамериканцев с «тьмой» в человеческом сердце, темнотой, которую автор, кажется, приравнивает к нашей животной сущности, нашей склонности вести себя как дикари. Уже в начале романа мы сталкиваемся с этой темой. Давая оценку людям, автор, кажется, считает хорошими империалистов, римлян, которые строили цивилизации там, где они побеждали. В частности, Конрад говорит: «Они были людьми достаточно, чтобы противостоять темноте». Он описывает «достойного молодого гражданина в тоге», который чувствует «дикость, полную дикость вокруг него, когда он оказывается в болоте», «таинственной жизни дикой местности, которая шевелится в лесу, в джунглях, в сердцах людей».

Дикость предполагает возможность совершать насилие над другими без какого-либо чувства моральной сдержанности. Расистское сознание предполагает, что некоторые народы или расы дикие. И такие оценки были обычными для расистского мышления в отношении чернокожих, особенно того, что они неспособны к цивилизованному поведению, сдержанности, которая бы обуздавала их дикость.

Обратите внимание на сказанное выше, что дикость ассоциируется как положением – джунглями – так и с психологическим состоянием – «сердцами людей». Тогда «тьма в сердце» будет чем-то вроде африканских джунглей с их естественным диким состоянием, то есть метафорически – склонностью людей к «дикости».

Сойнка и другие его последователи правы, утверждая, что навязывание такой дикости африканцам является расистским. Конрад связывает их с примитивной, животной стороной человеческой природы, той, которая подпитывает нашу способность нарушать границы Другого. С другой стороны, цивилизованная сдержанность всегда, по Конраду, является качеством белых и европейцев.

Однако не все европейцы позитивно позиционируются в романе. Некоторые из них слишком жадные; другие неэффективны в работе и некомпетентны; религиозные крестоносцы, которые несут свет во тьму, глупы. Бельгийский проект по добыче природных ресурсов из Конго изображается как ошибочный и неэффективный. Персонаж романа Конрада Курц отправляется в Африку с возвышенными либеральными гуманистическими идеалами и возвращается с реакционной приверженностью консервативной позиции того времени, когда существовали расовые различия и уверенность, что некоторые расы «выше» в человеческом масштабе, чем другие «темные» люди. Он провозглашает реакционную идею о том, что африканцев следует уничтожить. Всего несколько десятилетий спустя в Европе подобные консервативные реакционеры – нацисты – попытались осуществить такую программу против людей, которых они тоже считали «недолюдьми».

Конрад критикует особый тип империализма, который практиковался бельгийским правительством. Известно, что он состоял из жестокого обращения с коренным населением с целью извлечения сырья из их земли. Не было предпринято никаких усилий для содействия образованию или развитию социальных институтов для коренного населения. Как пишет Конрад: «Они не были колонистами; их администрация была просто стяжателями; они схватили все, что могли, ради того, чтобы можно было получить как можно больше выгоды».

Несколькими строками ниже он добавляет, что отличает эту хорошую империалистическую идею от «сентиментального притворства», того, что в то время было бы связано с женщинами и сентиментальной литературой, а также с либеральным гуманизмом, верящим в то, что все люди одинаково «человечны». Либералы были склонны думать, что африканцев можно «поднять» до европейских стандартов и норм цивилизации посредством образования. Некоторые люди «достаточно человечны», как он выражается, чтобы противостоять дикости; другие – нет.

По словам Конрада, колонисты были «посланниками могущества на земле, носителями искры от священного огня». Они несли с собой «мечты о людях – семена содружества, зародышах империи». Справедливости ради надо заметить, что не Конрад был автором этих идей. В то время даже среди образованных людей были распространены расистские идеи. В романе чувствуется такое размышление: «Старая река в ее широком охвате покоилась на закате дня, после того, как века добрых дел были доведены до расы, которая населяла его берега». Трудно найти такие предложения сегодня; люди больше не думают в таких явно расовых терминах. Но тогда, в начале двадцатого века, это было обычным явлением. Когда английская аудитория впервые прочитала роман, она почувствовала, что Конрад изобразил Курца и либеральный гуманизм, который он представляет, как ошибочный, что он изобразил афроамериканцев как низший вид и что он обосновывал процесс колонизации. Однако с тех пор среди белых читателей возник консенсус, по крайней мере заключающийся в том, что Конрад – великий иронист, который никогда не будет делать что-то столь нежизнеспособное, как одобрение колониализма или расизма, несмотря на то, что, по мнению его современников, это так и было, они прочитывали это в первоначальном историческом контексте его произведений.

Конрад был консерватором. В молодости он помог правым, профашистским сторонам конфликта в Испании. Конрад не верил в либеральные идеалы человеческого прогресса. Консерваторы начала двадцатого века придерживались довольно пессимистического взгляда на природу человека. Ее нельзя улучшить; она непоправимо природна с изначальной и бесконечной склонностью ко злу. Моральная сдержанность должна быть предписана низшим классам так же, как ограничение должно быть наложено на организм и его естественные побуждения. В этом способе мышления природа часто изображается как нечто опасное.

И низшие классы часто связаны с телом и с естественными страстями, которые требуют контроля (очень часто худшей из человеческих страстей является стремление к экономическому равенству). Некоторые люди – богатая консервативная элита – лучше других, считает Конрад. Они сильные, они выиграли в битве за жизнь, проявляют моральную сдержанность и лучше всего управляют обществом. Шумный, необразованный, демократический сброд должен управляться этими лучшими людьми. Такие консерваторы, как Конрад, как правило, часто считают, что другие расы ниже по шкале вещей, потому что они беднее или не достигли тех же качеств благородства и респектабельности, которых достигли, по крайней мере, некоторые богатые белые европейцы. Это богатство возникло в основном благодаря их методу грабежа других народов во всем мире, но насилие было ими «цивилизовано», а сопротивление ему было признаком «дикости» и «варварства».

В таком же духе Майкл Райан и далее расшифровывает свои теоретические тезисы, подкрепляя выводы аргументами из художественных текстов.

Вопросы для закрепления темы:

1. Когда зародилось постколониальное литературоведение? В чем его суть?
2. Перечислите основных представителей постколониальных и транснациональных исследований. Обозначьте специфику их концепций.
3. Почему эта методика анализа художественного текста до сих пор остается актуальной?

Литература:

1. Donovan J. European Local-Color Literature: National Tales, Dorfgeschichten, Romans Champetres. New York: Continuum, 2010.
2. Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey edited by Manfred Beller and Joep Leerssen. Amsterdam, 2003.